

МОЙ ОТЕЦ - ФРОНТОВИК

Пропавший без вести

«Я отцовской ласки не знала,
И лица твоего я не помню»

(Из песни).

Это о моем отце - Набиулле Гиляжтиновиче ТЕМИРОВЕ (на снимке), пропавшем без вести в сентябре 1941 года под Смоленском.

Всего 13 похоронок получила моя малая Родина - д. Белозерка. 13 человеческих судеб искалечила проклятая война, в 13 семьях дети не видели и не узнали отцовской ласки, все они, а их было 36, - дети войны, пережившие голод, холод в войну и все лихолетья послевоенных лет, потому что ту мизерную пенсию, которую мы получали за своих отцов, не хватало даже на пропитание. А сейчас в живых от этого числа 36 осталось только 10, которые разъехались по разным географическим местам.

...А все начиналось так хорошо. Претерпев различные неприят-

ности, в середине 1936 года сошлись в браке мои папа и мама Хамидя, хотя обоим имели: папа - годовалую девочку Минизифу от первого брака, а мама - трехлетнюю девочку Насиму - тоже от первого брака.

Папа с мамой так любили друг друга, что односельчане, кто завидую, кто осуждая, а кто просто от души восхищались их взаимоотношениям. А я думаю, разве можно запретить любить и осуждать за любовь?

А любить то приходилось урывками, потому что только родилась Наркися апай (старшая сестра от этого брака), отца забрали на финскую войну, в 1940 году родилась и сразу умерла безымянная моя сестра, а за 12 дней до начала войны успела родиться я, Ряйся.

Из воспоминаний мамы: «Я любила утром поспать, а отец поднимался очень рано, потому что он был бригадиром, который на работу наряжал сам, постучавшись в каждый дом. А это раннее утро 22 июня запомнила навсегда. Просыпаюсь, а отец в солдатской гимнастерке, сохранившейся с финской, уже на ногах:

- Милая, поднимайся, готовь меня в дальний путь.

- А что случилось-то?

- Война, милая, война. Гитлер проклятый напал на нас».

И пошел звонить в Трехозерский сельский Совет проситься добровольцем на фронт. А на следующие и в последующие дни - проводили на фронт.

Мама рассказывала: «Своими руками он запряг бригадирскую лошадь в двухколесную повозку, посадил меня с тобой на руках рядом с собой, обнял меня и так лихо

прокатил по деревне несколько раз, что все стоявшие рядом односельчане боялись, что, не дай Бог, вывалимся с повозки. А отец, накатавшись, соскочил на землю, подхватил нас на руки и долго-долго не мог оторваться от нас, что потом ему бегом пришлось догонять уходивших с ним на фронт друзей. Его последние слова: "Идем на большую рубку, мало кто вернется оттуда; трудно тебе придется, родная, с детьми, но я верю, что ты их достойно поставишь на ноги"».

И как в воду глядел! В сентябре 1941 года мама получает известие: «Ваш муж, старшина, командир пехоты, пропал без вести в боях под Смоленском». Это была первая страшная весть с фронта. А потом черные вести зачастили.

Троих сыновей не дождался с фронта мой дедушка Гиляжтин, в том числе самого любимого «кинзю» - самого младшего; значит, по первому браку, а в числе тех немногих, кому удалось вернуться, оказался его сын от второго брака, Шарифулла, которого уже нет в живых 20 лет.

Горячо любившая, впечатлительная, моя мама очень тяжело пережила страшное известие о потере мужа. Похоронку с этой страшной вестью она зажала в руке, и, как безумная, несколько дней не выпускала из рук, что за была о том, что надо кормить, и только мой громкий плач возвращал ее к жизни. Она брала меня на руки и, как, видимо, ей было удобно, кормила только левой грудью, а в правой груди молоко совсем пропало, от того то я и думаю, что я такая голосистая, что натренировала свой голос в том раннем безрадостном детстве.

А потом послевоенное лихолетье: недоедание, ветхая одежка и многое другое доводило до отчаяния. Я помню, как в поле, устав от прополки, плакали, припав к родной земле, плакали навзрыд от боли, потому что осот объедал

наши хиленькие ручки, плакали от холода и голода, от горя и жалости к самим себе, что некому помочь. Нарывавшись досыта, снова брались за работу. И работали, работали.

А каково было женщинам, заменившим на тракторах ушедших на фронт мужчин?! И ведь выжили, выстояли, дождались светлого дня Победы, за что им, я имею ввиду, тружеников тыла, великая благодарности и низкий поклон всех последующих поколений. И молодцы, что от всех бед тогда люди лечились трудом.

Выручала Буренушка. Личные Буренушки и быки лунными ночами бороновили колхозные поля для посева. И на тракторах пахали поля женщины. Осенью литовками косили пшеницу, вязали снопы, складывали в скирды. Зимой молотили. Очень тяжело было в тылу. А что пришлось пережить фронтовикам и людям, где проходил фронт?!

Уходили на фронт из семьи по 3-4 человека, как в семье моего деда Гиляжа, а возвращались единицы. Да и те, кто вернулся домой, после тяжелых ранений и болезней, умерли. Вот и на моей малой Родине уже несколько лет нет в живых ни одного фронтовика.

В этом году страна отмечает 70-летнюю Победную весну. Но сколько бы лет ни прошло, сколько бы ни сменилось поколений, никто никогда не должен забывать то трудное время, тех, кто во имя Победы и Мира на Земле отдал свои жизни. И тех, кто самоотверженным трудом в тылу помогал фронту, а затем поднимал страну из руин.

«Никто не забывает, ничто не забывает - этот лозунг нельзя забыть никому! Вечная память погибшим, слава - живым!»

Раиса ГАЗИЗОВА,
селькор
с полувековым стажем,
с. Трехозерки.

ДЕТИ ВОЙНЫ

Вспоминают погибших,
Прославляют живых.
Кто же вспомнит о детях
Той проклятой войны.
Полугольды да босы.
Кирзаки - на семью.
По земле застывшей
Стук в душе их храню.
Эх, сестренки-девчонки,
От нужды вас - в детдом.
Лихолетья такого
Всем хватило до слез.
Там житье непростое:
Если что-то не так,
Без водицы и хлеба -
Под замок на чердак.
А сестренки-девчонки -
Голоса - родники,
В школе вас называли
Сестры Федоровы.
О ком сердце болело,
Да судьба не свела.
Ради хлеба досыта,
Да не в лес по дрова.
Ох, сестренки-девчонки,
Той далекой поры.
Ваши судьбы венчали
Отголоски войны.
Поминать погибших,
Прославляя живых.
Кто же вспомнит о детях
Той проклятой войны?

Юлия ШУШАРИНА,
с. Целинное.

ЦЕНА ПОБЕДЫ

По радио страхом
война прокричала.
Заплакали жены,
молчат мужики.
«Закончить бы дома
работу сначала,
Опять лихолетье», -
ворчат старики.
Вручили повестку тебе
торопливо.
Последнюю ночь даже глаз
не сомкнул.
Пусть скромно, с нуждою,
но жили счастливо.
А кто-то затеял
военный разгул.
И хочешь-не хочешь -
судьбою повязан,
Страданием и болью
великой страны.
Вместе с соседом пойти ты
обязан,
Как воин давнишней,
святой старины.
Наутро - прощание,
деревня родная
Осталась за лесом
совсем сиротой.
На фронте - суровая жизнь
непростая.
И письма нечасто напишешь
домой.

Ты жизнью своей
заплатил за победу.
Написано имя на камне твое.
И пусть повезло не тебе,
а соседу.
За нас ты пожертвовал
сердце свое.

Владислав КОЛЕСНИКОВ,
с. Костыгин Лог.

МЫ НЕ ЗАБУДЕМ

Нам время память не сотрет
О тех, кто пал в бою когда-то,
Кто знамя Родины пронес
Победным маршем

в сорок пятом.
Их подвиг будет жить века.
Они врага прогнать сумели
От Волги, Курска и Орла
До стен фашистской

цитадели.
Героев битвы под Москвой,
Смоленском, Брестом,
Сталинградом...
Мы не забудем никогда
И Ленинградскую блокаду.
Сегодня каждый стар и млад
Почтит молчаньем,
пусть неблизких,
Минутой скорби всех солдат.

Владимир КОРАБЛЕВ,
с. Косолапово.

РАССКАЗ

Фронтонные яблочки

Вечерело. Нехитрые домашние дела закончились. Чайник давно остыл. Улеглось давление, в суставах боли утихомирились. Потянуло на душевную беседу.

- Дед, а дед, - присаживаясь на койку мужа, напоминаю о своем присутствии. - Повернись, слушай, что скажу, - прошу я.

Называть супруга дедом давно вошло в привычку: прожило более полувека вместе, не только внуки есть, правнуков десяток народилось, и я не обижаясь, когда он окликает: баушка! Именно «баушка», а не бабушка. Звучит по-домашнему тепло, ласково.

Дед поворачивает голову в мою сторону:

- Говори, что опять стряслось!
- Ничего не случилось. Оглянись, зима-то на убыль пошла, день прибавился. Считай, февраль пролетел. А там - 8 Марта, Пасха, 9 Мая - до праздников рукой подать!

- Это точно, - встрепенулся дед. - Помню, отец возвратился с фронта, яблочки нам принес...

- Завел старую пластинку, ты уж тысячу раз рассказывал, - ворчу я. - Неужто забыл, что Никита, наш старший внук, об этом случае писал. Погоди, сейчас зажгу свет, достану книгу, прочту про твоего тятю - так в семье звали отца.

Достаю с полки книгу, издан-

ную по заказу Совета ветеранов и администрации Целинного района. На красной обложке - золотое тиснение: «С полей сражений - к хлебной ниве». Книга посвящена фронтовикам, вернувшимся с войны и совершившим новый подвиг - трудовой.

- Вот, смотри, на 309-й странице помещено Никитино сочинение о прадеде под названием «Стал пимокат стрелком». В нем и про фронтонные яблочки упоминается, - водрузив на нос очки, листаю страницы и продолжаю дальше:

- Две с половиной тысячи имен героев войны, вернувшихся к мирным будням, названы. Про твоего тятю вот что написано: «Гусельников Василий Александрович, 1903 г. р., с. Дулино, рядовой. Участвовал в ВОВ с 1942 по 1945 гг., 64 стрелковый полк, 66 отдельный батальон. Награжден орденом Отечественной войны II степени, медалями «За отвагу» и юбилейными. Работал в колхозе «Заря». Умер в 1985 году».

- Тридцать лет, как нет тяти с нами, сам состарился, в декабре 80 лет справлю, а первый день Победы не забывается. После сушеных свеклы да моркови тятины гостинцы чудом казались, - вздыхает дед.

Мы надолго замолкаем. Старость провоцирует осмысление. Про себя рассуждаю о том, на-

сколько мудро поступил солдат, наполнив вещмешок не трофейными штотками, а сладкими фруктами, совершив, может, свой главный в жизни поступок, - оставил на долгие годы в сердцах потомков добрые яркие воспоминания.

После войны в колхозе «Заря» свой сад развели. В 1961 году в сентябре тятя принес ведра два красных ранеток в счет трудовой. Позже колхозники стали получать зарплату деньгами, и тятя ездил в Шумихинский плодпитомник. Впоследствии у окна его пятистенника красовалась молодая яблонька.

Мы же, обладатели «хрущевки» в Целинном, решали яблочный вопрос прощсе. Профсоюз обеспечивал транспортом, направлялись чаще всего в Косолапово, в совхозном саду загаривали мешки «уральскими наливными». А когда «приземлились» - получили квартиру с приусадебным участком, задумали выращивать фрукты-ягоды сами. И в год рождения первого внука Никиты купили аж шесть саженцев!

Дерева быстро подросли, дали в положенный срок плоды. Радости не было предела! Более десятка лет урожай раздавали родне, знакомым, соседям.

А потом случилась беда... Как только зарумянятся яблочки, на-

летит черная грачиная стая и со злобным карканьем набрасывается на кроны деревьев: расклюет, раздолбит, запакостит еще незрелые плоды. Не пощадит и арбузы, капустные кочаны. Улетят разбойники, оставив после себя яблочное крошево, а наутро вновь заявляются, как к себе домой. Прикормили, называется.

Повоевали безрезультатно с летучими нахлебниками и с отчаяния решили пустить яблони, вернее, что от них осталось, под топор. Толку никакого, только место занимают. Картошка под тенью плохо растет...

Сад долго не хотел умирать. Рвался дикой порослью к жизни, но постепенно следы его исчезли. А чувство какой-то вины не покидает мою душу до сих пор.

- Дед, перестань дремать, идея есть, - тормошу супруга. - Давай по весне к 70-летию Победы посадим возле дома ранетку. В память о фронтонных яблочках. И от грачей-разбойников около своего крыльца легче обороняться. Одолеем, поди, напасть. Как думаешь?

Муж согласно кивает: одолеем, войну пережили, а тут, подумаешь, грачи...

Валентина ГУСЕЛЬНИКОВА,
с. Целинное.